

Взлет и падение «Братьев-мусульман» в Египте и Тунисе

© Успенский Ю. И.

© Uspensky Y.

Взлет и падение «Братьев-мусульман» в Египте и Тунисе

The Rise and Fall of Muslim Brotherhood in Egypt and Tunisia

Аннотация. Рассмотрен реальный политический опыт движения «Братья-мусульмане» — главного актора на поле «политического ислама» в арабском мире, приобретенный им в период после революций 2010–2011 гг. в Тунисе и Египте. Сравнительный анализ действий двух филиалов движения в этих странах позволяет сделать выводы о причинах провалов «Братьев-мусульман» и о жизнеспособности «политического ислама» в современных арабских обществах.

Annotation. This article examines real political experience of the Muslim Brotherhood in its capacity as the most notable Political Islam movement in the Arab world, acquired after the 2010–2011 revolutions in Tunisia and Egypt. Following specified criteria, a comparative analysis has been conducted with regard to the activities of the movement's branches in the abovementioned states, which allows for duly substantiated conclusions as to the background of the Muslim Brotherhood failures and viability of the Political Islam concept in modern Arab societies.

Ключевые слова. «Арабская весна», Ближний Восток, «политический ислам», «Братья-мусульмане».

Key words. Arab Spring, Middle East, Political Islam, Muslim Brotherhood.

Социально-политические потрясения в арабском мире, получившие название «Арабская весна», изменили качество общественного дискурса в затронутых странах. Революционные и приравненные к таковым события дали новое качество информационного поля: на некоторое время в арабских обществах наступила гласность, и информационное пространство оказалось переполнено самыми разными идеями: от ультралиберальных до крайне экстремистских. Быстро выяснилось, что поверившие в свою значимость народные массы тяготеют к силам, которые предлагают простые решения и подводят под эти решения моральную базу. Этот вектор народных настроений позволил — впервые в истории — движению «Братья-мусульмане», основному актору «политического ислама», прийти к власти в Египте и Тунисе.

Автором было выделено три группы стран, процессы в которых неправомерно приравниваются друг к другу, будучи объединены термином «Арабская весна». Между тем разница в природе событий, потрясших эти

УСПЕНСКИЙ Юрий Игоревич — аспирант департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (г. Москва).

страны, очевидна. В первую группу мы относим Египет и Тунис — как страны, пережившие классические социальные революции, вызревшие «снизу». Во второй группе находятся страны, испытавшие вооруженное вмешательство внешних сил: Сирия, Ливия, Ирак. К третьей группе принадлежат Йемен и Бахрейн, ставшие заложниками этноконфессиональной структуры населения и также пострадавшие от интервенции, но не НАТО, а Саудовской Аравии.

Обоснованность такой дифференциации подтверждается не только различной природой потрясений в странах этих групп, но и развитием процессов после первой волны катаклизмов, и судьбой политических сил, принявших на вооружение идеологию «политического ислама». Показательно, что «Братья-мусульмане» наиболее преуспели именно в Египте и Тунисе, где произошли подлинные социальные революции — т. е. общественные конфликты, не отягощенные (как в странах второй и третьей групп) межконфессиональным противостоянием или ситуацией внешнего вооруженного вмешательства. Именно здесь это движение на короткий срок получило законодательную и/или исполнительную и духовную власть; однако судебные и военные власти, воспользовавшись тотальной некомпетентностью «Братьев-мусульман» в вопросах государственного управления и растущим в связи с этим народным недовольством, перехватили инициативу. В этой статье автор стремится проанализировать прежде всего реальный политический опыт «Братьев-мусульман» в постреволюционных Египте и Тунисе. Однако имеет смысл в справочном порядке показать состояние движения в двух других выделенных автором группах стран.

В Сирии «Братья-мусульмане» не располагают сколь-либо значительными силами. Движение отметилось в основном участием в заседающей в Стамбуле Коалиции патриотических и оппозиционных сил, а также объявлением джихада России в связи с ее вооруженным вмешательством на стороне законного правительства Сирии.

В Ираке «Братья-мусульмане» полностью изгнаны из парламента и не обладают никакими вооруженными формированиями.

В Ливии «Братья-мусульмане» еще сохраняют на момент написания данной статьи (июль 2017 г.) значительные позиции. Однако в Ливии это движение не принимало организованного участия в свержении прежней власти: политическое крыло «Братьев-мусульман» в Ливии — Партия справедливости и строительства (ПСС) — сформировалось лишь в самом конце 2011 г., когда Муаммар Каддафи уже был убит, а «революционеры» при поддержке авиации НАТО и катарского спецназа уже заняли Триполи. Столь поздняя институционализация не могла не сказаться на результате парламентских выборов летом 2012 г.: ПСС по их итогам заняла второе место, получив лишь 10% мест во Всеобщем национальном конгрессе, в то время как либеральный Альянс национальных сил собрал 48%. Через два года, на выборах 2014 г., «Братья-мусульмане» не смогли заметно улучшить свой результат и осуществили силовой захват столицы, где собрали часть депутатов прежнего состава парламента, чтобы продиктовать им нужные решения. Наконец, «Братья-мусульма-

не» в целом проиграли вооруженную борьбу Ливийской национальной армии генерала Халифы Хафтара, который уже контролирует большую часть страны. Нелегитимное правительство «Братьев-мусульман», сформированное частью из состава Всеобщего национального конгресса 2012 г., еще заседает в Триполи лишь благодаря действиям отдельных стран Запада, которые проложили перед силами Хафтара «красную линию» в том, что касается продвижения к столице, а также ООН, которая водворила в контролируемый «Братями-мусульманами» Триполи априори недееспособное «правительство национального единства» Фаеза ас-Сарраджа.

Перейдем к третьей группе стран. В Бахрейне политическим крылом «Братьев-мусульман» является ассоциация «Патриотическая исламская трибуна»; в действующем составе парламента, избранном в 2014 г., она располагает одним мандатом (из сорока). «Йеменский реформаторский блок», служащий политическим представительством «Братьев-мусульман», по результатам последних выборов (2003 г.) получил 22% голосов. Сегодня, однако, в Йемене идет гражданская война, сопровождаемая вооруженным вмешательством Саудовской Аравии; и хотя последняя наладила некоторую координацию с боевыми группами «Братьев-мусульман», «Йеменский реформаторский блок» фактически разгромлен зейдитами-«хуситами», которые провели массовые аресты его руководителей в захваченных ими губерниях Йемена.

Поэтому при анализе реального политического опыта «Братьев-мусульман» следует сосредоточиться на Египте и Тунисе. Правда, «Братья-мусульмане» и поныне имеют сильные позиции еще в одной стране Северной Африки — в Марокко, где премьер-министром с 2011 г. является лидер Партии справедливости и развития Абд эль-Илях Бенкиран. Причем популярность представительства «Братьев-мусульман» в этой стране растет, и на выборах 2016 г. они получили свыше 30% голосов. Но в Марокко «Братья-мусульмане» участвовали в выборах под эгидой своей партии с 1970-х гг., имеют сильную национальную повестку; и здесь не было революционных потрясений со сменой власти, какие пережили Египет и Тунис. Поэтому ситуация в этой стране остается за рамками данной статьи.

Легализация и легитимация «Братьев-мусульман»

Первые парламентские выборы в постреволюционных Египте и Тунисе дали беспрецедентный кредит доверия главному актору «политического ислама» — ассоциации «Братья-мусульмане» (в лице Партии свободы и справедливости и партии «Возрождение» соответственно). В 2010—2011 гг. народные массы в Египте и Тунисе требовали демократизации жизни общества с опорой на традиционные ценности, — но не исламизации. Исследователь из Вирджинского университета Ахмад аль-Рахим в статье, написанной по горячим следам революций в Египте и Тунисе, подчеркивал важность произошедшего в политическом дискурсе отхода от различных вариаций панарабизма и панисламизма,

превалировавших на идеологическом поле на протяжении второй половины XX в., и перехода к национальной повестке с ясными целями [5]. Профессор Оливье Руа в статье «Трансформация арабского мира» отметил, что изначально «Арабская весна» не несла в себе ничего специфически арабского или мусульманского: демонстранты требовали соблюдения прав человека и демократических стандартов, а не установления исламского режима [11].

Результаты исламистов на тунисских выборах были не такими однозначными, как на египетских. Кроме того, Тунис имел гораздо более развитые институты гражданского общества — такие, как профсоюзы, что выразилось в высокой поддержке социал-демократических партий и в конечном счете в составе тройственного коалиционного правительства.

Правление «Братьев-мусульман» в Египте продолжалось год и три дня: с 30 июня 2012 г. — когда Мухаммад Морси вступил в должность президента, по 3 июля 2013 г. — когда Верховный совет Вооруженных сил Египта объявил о его отстранении. Основное содержание внутривнутриполитической жизни страны в этот период составлял жесткий конфликт между исламистами, подчинившими себе исполнительную, законодательную и духовную власть, и судебными властями. Руководствуясь интересами ассоциации «Братьев-мусульман», президент Морси утвердил ряд противоречивых указов: указ о восстановлении полномочий распущенного постановлением Верховного суда Египта парламента, конституционную декларацию от ноября 2012 г., указ об отставке генерального прокурора Абд эль-Мегида Махмуда (на что он не имел права). Эти и другие непродуманные и поспешные шаги привели к массовому недовольству и самым масштабным в истории Египта протестным выступлениям, состоявшимся в годовщину инаугурации Морси — 30 июня 2013 г. Верховный совет Вооруженных сил, воспользовавшись этим, осуществил переворот, сместив Морси с его поста и назначив временного президента в лице председателя Конституционного суда Адли Мансура.

В Тунисе «Братья-мусульмане» продержались у власти дольше — ровно три года: от парламентских выборов в октябре 2011 г. до парламентских выборов в октябре 2014-го. Занявшая первое место на выборах партия «Возрождение» («Ан-Нахда») создала коалицию с «Конгрессом за республику» и «Демократическим форумом за труд и свободы», пришедшими к финишу вторым и третьим соответственно. Причем член «Конгресса» аль-Монсеф аль-Марзуки уже в декабре стал президентом, а член «Демократического форума» Мустафа бен Джафар — председателем парламента. Столь представительное присутствие социал-демократов во власти изначально выгодно отличало Тунис от Египта. Лидирующая роль все равно принадлежала «Братьям-мусульманам», которые — как упоминает, например, Б. В. Долгов [2] — сумели расставить не менее 1200 своих членов на разных государственных должностях. Однако, хотя «Возрождение» и не допустило таких явных провалов, как ПСС в Египте, оно не сумело продемонстрировать гражданам Туниса и достижений, что вкупе с балансирующей на грани нестабильности обстановкой в стране привело к лишению их лидирующей роли в правительстве, а затем и в парламенте.

Автор хотел бы обратить внимание на три ключевых аспекта легитимации политических сил в постреволюционных арабских обществах:

1. Участие политической силы в свержении прежней власти.
2. Победа на парламентских и/или президентских выборах.
3. Победа в ходе вооруженного противостояния или захват власти путем переворота.

Относительно первой предпосылки споров быть не может. Настроения арабской улицы сейчас таковы, что и социалисты, и либералы, и даже карманные партии миллиардеров вынуждены всячески подчеркивать свою «революционность», а каждый политик обязан произнести ритуальное восхваление «славной революции честного народа» (впрочем, арабы всегда были сильны в жанре «мадх», т. е. панегириках). Принимали ли «Братья-мусульмане» деятельное участие в египетской и тунисской революциях? На этот вопрос следует дать отрицательный ответ.

Несмотря на то, что кратковременно именно движение «Братьев-мусульман» стало основным бенефициаром народных бунтов (которые свергли Хосни Мубарака и Зейн эль-Абидина бен Али), оно никогда не являлось настоящей революционной силой, поскольку «Братья-мусульмане» не планировали революцию, не готовили ее и не принимали в основных событиях рубежа 2010—2011 гг. в Тунисе и Египте заметного участия. Это объясняется тем, что в предыдущие десятилетия «Братья-мусульмане» вели в Египте и Тунисе подпольное существование, что, впрочем, не останавливало инфильтрацию их представителей в состав египетского парламента в качестве независимых кандидатов.

Политическое крыло движения в Тунисе — партия «Возрождение», правда, существовало с 1970-х гг.; но было разгромлено в 1980-е, чтобы вновь быть признанным в качестве политической партии лишь 1 марта 2011 г. В Египте же политическое представительство «Братьев-мусульман» (Партия свободы и справедливости — ПСС) впервые оформилось еще позже — в июне 2011 г. Таким образом, эта институционализация и легализация в качестве политической силы произошла спустя несколько месяцев после революционных событий, непосредственно приведших к отставке Мубарака и Бен Али.

Случись всем неисламистским движениям договориться о единой кандидатуре на президентских выборах 2012 г. в Египте, и «Братья-мусульмане» остались бы в оппозиции [12] даже после победы на парламентских выборах (впрочем, дезавуированной судом); возможно, это пошло бы на благо как им самим, так и стране в целом. Оказавшись же у власти, движение продемонстрировало идеологическую и организационную неготовность к государственному мышлению и государственному управлению, следствием чего стала частичная (в Тунисе) или полная (в Египте) потеря позиций в политике.

Таким образом, «Братья-мусульмане» в Египте и Тунисе не соответствуют первому предложенному критерию (участие в свержении власти); соответствуют второму (победа на выборах) и не соответствуют третьему: попытка оказать силовое сопротивление армии в Египте потерпела крах, а в Тунисе такой попытки сделано не было.

Сравнительный анализ деятельности «Братьев-мусульман» в постреволюционном Египте и Тунисе

Сегодняшнее состояние ассоциации «Братья-мусульмане» в Египте сильно отличается от ее состояния в Тунисе. Это прямо обусловлено поведением соответствующих филиалов ассоциации в период их нахождения у власти. В данной статье предлагается проанализировать деятельность «Братьев-мусульман» в Египте и Тунисе в 2011–2013 гг. по следующим ключевым показателям:

1. Соотношение национального и конфессионального в дискурсе.
2. Соотношение светского и конфессионального в дискурсе.
3. Способность осуществлять антикризисный менеджмент.
4. Отношение к джихадистским салафитским группировкам.
5. Гибкость, договороспособность, готовность адекватно реагировать на меняющуюся обстановку и запросы общества.

Ниже содержится сравнительный анализ деятельности филиалов ассоциации «Братьев-мусульман» в Египте и Тунисе по заданным критериям.

1. В арабских обществах, где самоопределение в качестве «атеиста» является табуированным, а само это слово — фактически бранным, самоидентификация в контексте религии сводится к двум формулировкам: «Я — египтянин [тунисец и пр.], мусульманин» и «Моя родина — ислам» (возможен еще вариант с христианством, но он к данной статье не относится). Первая была нормой во времена Мубарака и Бен Али, вторую попытались навязать Египту и Тунису «Братья-мусульмане».

Свергнутых президентов не раз обвиняли в том, что они относились к своим странам как к землям, выделенным им «на кормление», — как это называлось в нашей истории. Под прикрытием национал-патриотической риторики старые элиты допустили невиданный разгул. Вместе с тем они все же ассоциировали себя со своими странами и потому прилагали усилия для сохранения хотя бы умеренно прогрессивных тенденций социально-экономического развития. Представляется, что в отечественной литературе эту тему наиболее полно осветил профессор А. В. Коротяев, который убедительно доказал, что египетское общество перед революцией 2011 г. не демонстрировало каких-либо исключительно провальных, по меркам региона (да и по мировым меркам), показателей и было близко к выходу из «мальтузианской ловушки» [3]. Однако, говоря словами Черчилля, этот корабль затонул при виде гавани.

Египет представлял для старых элит самоценность — пусть даже в силу эгоистичных узкогрупповых интересов. Интересы же «Братьев-мусульман» были не просто узкогрупповыми — они были вненациональными. Иначе говоря, несмотря на риторику Мухаммада Морси, который неоднократно озвучивал якобы имеющееся у него желание быть «президентом всех египтян», «Братья-мусульмане» воспринимали Египет исключительно как базу для своего дальнейшего продвижения в регионе. Их истинное отношение к национальным интересам Египта хорошо иллюстрируют два высказывания высокопоставленных лиц ассоциации.

Так, генеральный секретарь ПСС Мухаммад аль-Бельтаги, ныне приговоренный военным судом к 20 годам тюрьмы, во время устройства протестных лагерей «Братьев-мусульман» на площадях Ан-Нахда и Рабиа аль-Адавия летом 2013 г., которое совпало с очередным обострением активности террористических группировок на Синае, на весь Каир сказал, что происходящее на Синае остановится в тот же день, когда Мухаммад Морси вернется на пост президента страны. Нынешний президент Абд эль-Фаттах ас-Сиси вспоминал в интервью египетской газете «Аль-Масри аль-Яум», как второй человек в иерархии «Братьев-мусульман» Хейрат аш-Шатыр накануне протестных акций 30 июня 2013 г. в беседе с ним пригрозил, что в случае отстранения Мухаммада Морси с президентского поста Египет подвергнется атакам не только на Синае, но и из Ливии, Сирии, Афганистана и Йемена.

И троцкисты, и исламисты утверждали и утверждают поныне, что их идеология даст осчастливленному их властью региону (а в перспективе — всему человечеству) свободу от порабощения. Но история показывает, что власть и тех, и других несет невиданное закрепощение индивида, уничтожение индивидуальности вообще и сопровождается массовым кровопролитием в сопротивляющихся такой судьбе обществах.

Этот подход вызывает четкие исторические ассоциации с курсом на мировую революцию, которого официально придерживался СССР в начале своего существования. Теоретик перманентной революции Лев Троцкий и теоретик салафизма Сейид Кутб сходятся в главном, проповедуя бесчеловечные идеологии, призванные уничтожить национальное во имя торжества наднационального интереса (социального или конфессионального соответственно). И троцкисты, и исламисты утверждали и утверждают поныне, что их идеология даст осчастливленному их властью региону (а в перспективе — всему человечеству) свободу от порабощения. Но история показывает, что власть и тех, и других несет невиданное закрепощение индивида, уничтожение индивидуальности вообще — опять-таки якобы во имя торжества коллективного — и сопровождается массовым кровопролитием в сопротивляющихся такой судьбе обществах.

«Братья-мусульмане» в Тунисе, пусть не сразу, но все же пришли к иной иерархии ценностей. Эта эволюция заняла у них почти полвека: в 1970-х гг. в учредительных документах «Возрождения» было

прописано стремление добиваться «единства исламского Магриба», но на X Всеобщей конференции движения в марте 2016 г. с подачи его основателя и идейного лидера Рашеда аль-Ганнуши был сделан выбор в пользу примата политики над религией — т. е. в пользу эволюции движения в нормальную политическую партию, играющую по правилам республики. Это означает полный разрыв как с «политическим исламом» (подтвержденный аль-Ганнуши в статье для журнала *Foreign Affairs* [8]), так и тем более с салафитами, которые в массе своей не признают необходимости государства и политической борьбы по сложившимся правилам. Арабское информагентство Аль-Арабийя сообщило даже, что аль-Ганнуши направил штабу «Братьев-мусульман» в Стамбуле письмо, в котором, в частности, были такие слова: «Я — тунисец, мусульманин. Тунис — моя родина... Я не приму агрессии против Туниса даже от единоверцев».

Таким образом, «перманентная революция» египетских «Братьев-мусульман» с приматом конфессионального над национальным провалилась, а «Братья-мусульмане» в Тунисе путем проб и ошибок все же нашли оптимальное для себя соотношение между ценностями двух этих порядков, ввиду чего и находятся сегодня в гораздо более благополучном положении, нежели их египетские «коллеги».

2. Практически сразу после свержения Хосни Мубарака и Зейн эль-Абидина бен Али в центре общественного внимания в Египте и Тунисе оказалось обсуждение проекта новой конституции. В ходе этого обсуждения политическими силами обеих стран велись яростные баталии вокруг ряда важнейших постулатов новой редакции Основного закона, в том числе о правах этноконфессиональных меньшинств, о правах и роли женщин в обществе и т. п. Коротко говоря, все эти споры можно свести к застарелой для всех ближневосточных обществ проблеме поиска оптимального соотношения между светским и конфессиональным.

Ключевым вопросом новых конституций был вопрос об источниках права в переформатируемых государствах. Постулаты о шариате как источнике законодательства содержались в основных законах Египта и Туниса и до революций, но во время работы конституционных комиссий в 2011—2013 гг. «Братья-мусульмане» и салафиты требовали закрепления роли шариата в качестве единственного такого источника; более того, они настаивали на том, чтобы сделать соответствующие статьи не подлежащими изменению. То, что это предложение было абсурдным как для Египта, так и для Туниса, показали окончательные редакции обеих конституций, которые были приняты почти синхронно — в январе 2014 г. Особенно это касается тунисской конституции, где не подлежащей редактированию сделана как раз статья о светском характере Тунисской Республики.

Тем не менее ситуация вокруг разработки проекта новой конституции была тревожной — особенно в Египте, где не было таких сильных институтов гражданского общества, как в Тунисе. В тунисской конституционной комиссии члены партии «Возрождение», впрочем, также са-

ботировали «светские» инициативы под надуманными предложениями. Но именно стремление «Братьев-мусульман» в Египте навязать обществу свой вариант новой конституции привело к локальному кризису ноября 2012 г., который рассматривается в следующем пункте.

3. Придя к власти, ПСС и «Возрождение» находились в равных условиях — в обстановке постреволюционного брожения, когда протесты и демонстрации стали обязательным элементом городского пейзажа. Но весьма скоро Египет вырвался далеко вперед по масштабу и накалу протестных выступлений. Это было обусловлено тем, как «Братья-мусульмане» реагировали на кризисные ситуации. Рассмотрим два характерных примера: принятие конституционной декларации Мухаммада Морси от 22 ноября 2012 г. и убийство Шокри Белаида 6 февраля 2013 г.

В первом случае имела место поспешная и плохо завуалированная попытка ассоциации дезорганизовать силы, отстаивающие светский характер государства — в первую очередь судебные власти. Указанная декларация утверждала примат исполнительной власти над судебной и буквально провозглашала право президента принимать любые решения в защиту революции — без оглядки на постановления суда — по таким важным вопросам, как, например, роспуск и созыв парламента, увольнение генерального прокурора и т. п. Было бы наивно думать, что эта декларация была личной инициативой президента Морси: разумеется, она была принята с подачи стоящего за ним движения. Ее принятие вызвало в стране бурю возмущения: в Каире собралось до 200 тыс. противников «Братьев-мусульман», бастовали судьи, и даже несколько личных советников Морси ушли в отставку в знак протеста против этого проявления гегемонизма. Представители различных политических сил Египта характеризовали ситуацию с этим документом как государственный переворот, наступление диктатуры и черту потери властью легитимности. В итоге «Братья-мусульмане» и президент Морси пошли на попятную, чтобы буквально через неделю после выхода декларации, 29 ноября, провести через конституционную ассамблею свой проект будущей конституции Египта. Этот проект был не только весьма спорным, он был просто неполным, что говорит о крайней спешке «Братьев-мусульман». Вероятно, на тот момент они строили расчеты на получение абсолютного мандата после положительного исхода референдума по конституции.

Таким образом, египетские «Братья-мусульмане» за одну только неделю вызвали — один за другим — два рукотворных кризиса с десятками погибших и взбудораженным обществом, которых можно было избежать, действуй они тоньше. Прямым следствием таких грубых проявлений гегемонизма стало сплочение их оппонентов, в число которых вошли даже салафиты из партии «Свет» (Ан-Нур), не говоря уж о либералах, социал-демократах, судебных и военных властях.

Рассмотрим теперь кризис февраля 2013 г. в Тунисе, спровоцированный убийством Шокри Белаида. Этот человек, лидер Партии объединенных патриотов-демократов, имел куда больше оснований считаться

революционером, чем лидеры «Братьев-мусульман», поскольку он открыто выступал как против режима Зейн эль-Абидина бен Али, так и против власти исламистов. В своем последнем интервью он открыто обвинил движение «Возрождение» в том, что противники последнего не живут долго, — и на следующий день был застрелен.

Это убийство вызвало глубокое возмущение во всех слоях тунисского общества. «Верхи» обвинили «Братьев-мусульман» в политическом убийстве, а «низы» сжигали офисы «Возрождения» в столице. Однако, если «Братья-мусульмане» действительно стояли за этим убийством, то оно принесло им исключительно неприятности, поскольку уже через две недели протестов премьер-министр Хамади аль-Джибали подал в отставку под давлением «улицы». И, хотя его сменил другой член «Возрождения», Али аль-Арайед, «Братья-мусульмане» вынуждены были дополнительно уступить сразу три портфеля в кабинете министров.

Показательно, что тунисский филиал «Братьев-мусульман» пошел на диалог, а не стал отвечать на уличное насилие тем же: египетские «коллеги», например, регулярно свозили автобусами своих сторонников из провинции на каирские акции. Говоря современным языком, «Возрождение» продемонстрировало более высокое качество антикризисного менеджмента, чем Партия свободы и справедливости.

4. Каковы же были те характерные черты политического представительства «Братьев-мусульман» в Тунисе, что позволили ему столь выгодно смотреться на фоне «коллег» из Египта? На этот вопрос ответил сам «отец-основатель» и неформальный лидер партии «Возрождение» Рашед аль-Ганнуши в одной из своих статей [7]. В ней он в первую очередь говорит о том, что «Возрождение» всегда допускало плюрализм как базовый принцип управления обществом. И действительно, тунисские «Братья-мусульмане» с 2011 г. продвигали идею коалиционного правительства, а оказавшись у власти, сформировали сначала первое, а затем и второе «правительство-тройку» с «Конгрессом за республику» и «Демократическим форумом за труд и свободы», блокируясь с социал-демократами, — вещь, немислимая для ПСС в Египте.

В «Возрождении» были и сторонники иных взглядов, чем Рашед аль-Ганнуши. Так, его давний сподвижник и премьер Туниса в правительстве «первой тройки» (с декабря 2011-го по февраль 2013 г.) Хамади аль-Джибали высказался за скорое сошествие на Тунис и сопредельные страны «шестого праведного халифата». Аль-Джибали вынужден был уйти после убийства Шокри Белаида, однако и новый премьер, Али аль-Арайед, был замечен в выгораживании исламистов: в одном из своих интервью он оправдывал существование лагерей боевиков на территории Туниса, называя их спортивными базами. Это высказывание хорошо обрисовывает еще одну общую проблему «Братьев-мусульман», в какой бы стране они ни находились: неспособность провести четкий водораздел между собой и еще более радикальными салафитскими группировками. И в Египте, и в Тунисе правительства «Братьев-мусульман» смотрели сквозь пальцы на рост и расширение активности этих группировок. На улицах Туниса открыто выступали

даже «Поборники шариата» (Ансар аш-Шариа) — террористическая группировка, против которой и сегодня действует египетская армия на Синае. Одновременно действовали десятки спутниковых каналов, с которых лилась экстремистская салафитская агитация за насильственные действия.

Результатом этого попустительства стал всплеск вооруженного насилия в проблемных регионах: на Синайском полуострове и в Атласских горах соответственно. Но в Тунисе им дал отпор Рашед аль-Ганнуши (вопреки мнению многих своих соратников, чьи высказывания приводились выше), который запустил против них войсковую операцию еще в 2013 г. Его поведение в этом вопросе резко контрастирует с подходом египетского филиала «Братьев-мусульман»: явный рост контрабанды и террористической активности исламистов на Синае произошел именно в короткую каденцию Мухаммада Морси, но в Египте масштабная войсковая операция против боевиков на Синае была развернута уже после свержения «Братьев-мусульман». Эта ситуация вновь демонстрирует выгодное отличие тунисского филиала «Братьев-мусульман» от египетского.

5. Протесты «улицы», взбудораженной политическими убийствами в Тунисе и низвержением «Братьев-мусульман» в Египте, побудили «Возрождение» активизировать свое участие в «Национальном диалоге» под эгидой «Квартета», составленного из профсоюзных и правозащитных организаций. Но аль-Ганнуши в вышеупомянутой статье все же преувеличивает заслугу «Возрождения» в процессе урегулирования, называя последовавшие политические соглашения и принятие в январе 2014 г. новой конституции «плодами жертв, принесенных партией (Ан-Нахда) ради сохранения единства страны», т. к. «Братья-мусульмане» пошли на переговоры с «Квартетом» не по доброй воле, а в силу давления обстоятельств, при демонстрации альтернативной судьбы недоговороспособных организаций «политического ислама», проведенной египетскими генералами в июле 2013 г. Автор полагает, что тунисский филиал «Братьев-мусульман» согласился поделиться властью, будучи научен горьким опытом египетских «коллег»; вместе с тем нельзя отрицать его изначально большую национальную ориентированность, чем у египетского филиала.

Со стороны ПСС в Египте мы видим жесткий догматизм, стремление навязать свою волю обществу вкупе с глубокой уверенностью в собственной правоте и в том, что общество примет такой стиль руководства и смирится с ним. Со стороны «Возрождения» в Тунисе мы наблюдаем, по крайней мере, внешние проявления готовности идти на компромисс; а затем, с углублением властного кризиса, — и реальные шаги (пусть даже и вынужденные) к такому компромиссу.

Изначальная готовность искать консенсус с неисламскими партиями сослужила «Возрождению» хорошую службу: оно утратило главенствующую роль в парламенте, но сохранило мощное присутствие в политике, получив возможность постепенно приспособить теоретико-идеологические установки к проблемам, которые выдвигает жизнь.

О настоящем и будущем «политического ислама»

В последние годы термин «политический ислам» в политологии стал фактически синонимом термина «исламизм». В массовом сознании населения Арабского Востока еще не сформировался четкий водораздел между религией и политикой; вместе с тем исламизм как экстремистская идеология, сформированная на базе извращенного толкования религии, отнюдь не является безальтернативной формой синтеза религии и политики. Исследователь из Йеля Эндрю Марч определил «политический ислам» как «совокупность политических движений, идеологических течений и государственных мер, нацеленных на придание исламу решающей роли в политической жизни» [9]. Это крайне общее определение не может удовлетворить, поскольку не учитывает страновой контекст.

Мухаммад Айюб, исследователь из Мичиганского университета, не случайно поместил в название своей книги тезис о многоликости «политического ислама»: в ней он с полным правом утверждает, что популяризированная на Западе монолитная модель «политического ислама» на самом деле является умозрительной, и что формы политической активности, ведущейся под флагом ислама, в большей мере задаются страновым и историческим контекстом [6]. Он анализирует состояние «политического ислама», в частности, в Саудовской Аравии и Иране, которые Айюб называет «самозванными исламскими государствами». Впрочем, эта книга вышла за пять лет до появления еще более самозванного «исламского государства» — запрещенной в России террористической группировки ИГ.

Отчасти повторяет этот тезис и В. М. Ахмедов, который верно заметил, что «политический ислам» не является единым целым ни в теории, ни на практике [1].

Французский востоковед Оливье Руа еще в первой половине 1990-х гг. в работе «Провал “политического ислама”» сделал смелый вывод о том, что этот концепт не выдержит испытания властью — и не в последнюю очередь потому, что в разных частях исламского мира сложились различные социально-политические условия, которые прямо воздействовали на степень имплементации религиозных установок в законодательство и обычаи [10].

«Политический ислам» известен нам как злободневная идеология, которая в умелых руках может приносить невероятные дивиденды; но которая, однако, скомпрометирована прискорбными результатами ее практической реализации. Если рассматривать «политический ислам» не как политическую идеологию, а как более широкий историко-политический концепт, то можно прийти к выводу, что все арабские страны приняли его с получением независимости — в той степени, в которой им позволяли их условия. Мы подразумеваем здесь страновые системы и отрасли права, функционирующие на основе шариата. Не секрет, что, например, Саудовская Аравия декларирует полную подчиненность

действующего законодательства во всех сферах шариату. В то же время в большинстве стран арабского мира шариат сохранился преимущественно в семейном праве. Разве это не служит куда более надежной и устоявшейся иллюстрацией реальной способности и готовности арабских обществ принять «политический ислам» в качестве руководства для повседневной жизни, чем кратковременные взлеты популярности исламистских партий?

Автор научного бестселлера «Политический ислам» Мухаммад аль-Ашмауи отмечает, что термины «исламское государство», «исламское правительство», «халифат» пугают западных обывателей, поскольку рождают ассоциации с гонениями, репрессиями, казнями без суда [4]. Между тем, утверждает аль-Ашмауи, огромное мусульманское большинство вкладывает во все эти понятия достаточно земной и практический смысл. То же относится к концепту «джихада», который ныне узурпирован террористическими салафитскими группировками. От себя добавим: то, что говорил мусульманский пророк Мухаммад о «большом джихаде», выразили еще римляне в чеканной формуле «*Imperare sibi magnum imperium est*»¹.

Индийско-британский писатель Сальман Рушди, известный тем, что удостоился персонального проклятия от великого аятоллы Хомейни, сказал, что не завидует людям, имеющим в голове простую картину мира, поскольку они, очевидно, ошибаются. Кратковременное заблуждение большинства египтян, позволившее войти во власть «Братьям-мусульманам», было вызвано именно тяготением к простым решениям. Антитеза с давних пор привлекает не только поэтов, но и политиков, и потому лозунги в духе «Кто был ничем, тот станет всем!» проносят свою притягательную силу через все меридианы и параллели. Однако египетский народ свою ошибку осознал и исправил. Сперва народное большинство отдало власть «Братьям-мусульманам», а затем это же большинство выразило протест против монополизации ими власти и ускоренной клерикализации страны.

Казалось бы, находиться на нелегальном положении для «Братьев-мусульман» должно быть привычно, — но на этот раз они не просто находятся под прессингом государства: от них отвернулась значительная часть населения, разочарованная несовпадением своих интересов с узкогрупповыми интересами ассоциации.

Тем не менее «политический ислам» еще скажет свое слово в жизни арабского мира. Но в нем будет куда меньше исламского и куда больше политического. Пройдет еще немало времени, прежде чем эпитет «исламская» в названиях партий по всему арабскому миру будет восприниматься как ни к чему не обязывающая отсылка к традициям, как в случае с Христианско-демократическим союзом в Германии. Первый шаг к этой трансформации в постреволюционных арабских обществах сделала тунисская партия «Возрождение».

¹ Повелевать собою — величайшая власть (*лат.*).

Литература

1. **Ахмедов В. М.** Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX — начало XXI в.). М. : Институт Ближнего Востока, 2015.
2. **Долгов В. Б.** Социально-политическое развитие Туниса и стратегия «Движения Нахда» // Азия и Африка сегодня. 2017. № 3.
3. **Коротчаев А. В. и др.** Социально-демографический анализ Арабской весны // Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. М. : Либроком, 2012.
4. **Аль-Ашмауи М.** Аль-ислям ас-сияси [Политический ислам]. Каир : Дар ат-Танани [Издательство «Ат-Танани»], 2013.
5. **Al-Rahim A.** Whither Political Islam and the «Arab Spring»? // The Hedgedog Review (fall 2011). Vol. 13. № 3. — http://iasc-culture.org/THR/THR_article_2011_Fall_al-Rahim.php (дата обращения: 25.07.2017).
6. **Ауооб М.** The Many Faces of Political Islam: Religion and Politics in the Muslim World. The University of Michigan Press, 2007.
7. **Ghannouchi R.** The Evolution of Political Islam during the Transition. — <http://www.arabstates.undp.org/content/dam/rbas/doc/Compendium%20English/Part%202/14%20Rached%20Ghannouchi%20EN.pdf> (дата обращения: 25.07.2017).
8. **Ghannouchi R.** From Political Islam to Muslim Democracy // Foreign Affairs. 2016. September—October. — <https://www.foreignaffairs.com/articles/tunisia/political-islam-muslim-democracy> (дата обращения: 25.07.2017).
9. **March A.** Political Islam: Theory // The Annual Review of Political Science. 2015. Vol. 18. — <http://www.annualreviews.org/doi/10.1146/annurev-polisci-082112-141250> (дата обращения: 25.07.2017).
10. **Roy O.** The Failure of Political Islam. Harvard University Press, 1994.
11. **Roy O.** The Transformation of the Arab World // Journal of Democracy. 2012. July. Vol. 23. № 3.
12. **Salem P.** The Recurring Rise and Fall of Political Islam // Rocky Harbours: Taking Stock of the Middle East in 2015 / Center for strategic and international studies. Wash. (DC) : Rowman and Littlefield, 2015. ◆